

ДЕНИС БУРМИСТРОВ

ПЯТАЯ ПЛАТФОРМА

Денис Бурмистров

Пятая платформа

<https://litres.ru/74313308>

SelfPub; 2026

Аннотация

Не ты выбираешь Дорогу, а Дорога — тебя!

Здесь нельзя оглядываться, нельзя отвечать на шепот и брать попутчиков. Нарушившие правила навсегда остаются на безымянной Дороге, по которой курсирует старая автомотриса со странным именем Тихий Ходок. Стартуя с пятой платформы станции Тверь, она увозит людей в загадочные, порой опасные места, куда не добраться иным способом. И возвращаются далек не все.

Но нет отбоя от желающих оказаться пассажирами Ходока. И только Тимофей, молодой машинист, знает цену этим поездкам.

Денис Бурмистров

Пятая платформа

ПЯТАЯ ПЛАТФОРМА

Пролог

Они принесли тело отца и положили на платформу. Сдвинулись в сторону, ожидая. Как всегда - строгие и безмолвные, с белыми пятнами лиц.

Тимофей не смотрел на них, это запрещалось. Его взгляд был прикован к мертвецу, лежащему на теплом бетоне.

Отец, наконец, обрел покой и безмятежность. С небритых щек сошел нездоровый алкогольный румянец, в пальцах, черных от мазута и щебеночной пыли, все еще поблескивал круглый вагонный ключ на цепочке.

Вот он и получил что хотел. Не взирая на мольбы, угрозы и угрозы, с привычной легкомысленной бравадой, зло и весело. И теперь для него всё, наконец, закончилось.

Ветер тронул волосы Тимофея, и он моргнул, выходя из звенящего оцепенения. Сжал зубы, сдерживая поднимающийся к горлу ком, шагнул с подножки автомотрисы.

Отец часто говорил о смерти, но никогда о том, где хотел бы быть похоронен. Однако, видеть его каждый раз, проез-

жая по Дороге, Тимофей не хотел.

Если будет вообще это «проезжать». Если он вообще убежится отсюда!

Тимофей затащил тело отца на смотровую палубу, осторожно положил возле лавки. Вытащил из пальцев ключ, машинально смахнул с рукава репейник, будто этот глупый жест имел теперь какой-то смысл.

Хотелось ругаться и плакать. Высказать всё, что накопилось за последние годы.

Но он не делал этого раньше, не станет и сейчас. Тем более, когда *эти* смотрят.

Тимофей выпрямился, вытер лицо ладонью и вошел в кабину машиниста. Как учил отец, прислушался к работающей машине, попытался уловить ее голос — ровное низкое урчание. Погладил пульт управления, прошептал одними губами: «Теперь я - машинист».

Фигуры на границе зрения качнулись, приблизились к боковому окну.

Тимофей зажмурился, чтобы случайно не повернуться к ним, положил руку на рукоять стояночного тормоза. Выжал сцепление.

Машина глухо кашлянула, дернулась.

- Пожалуйста! — прошептал Тимофей. — Поехали!

Желтый квадратный вагончик с двумя закрытыми секциями и смотровой площадкой посередине скрипнул железными колесами, и медленно покатился вперед, с хрустом вдавли-

ливая старые рельсы.

Платформа с расплывающимися фигурами осталась позади, а вскоре и вовсе исчезла за поворотом.

1.

Алексей Николаевич Смирнов — немолодой уже мужчина в пыльном сером пиджаке, сидел за кухонным столом и задумчиво постукивал пальцами по тощей папке из выцветшего черного коззема. Его взгляд блуждал по небольшой комнате, ветхой, но отчаянно пытающейся выглядеть ухоженной и благоприятной. Нехитрая старая мебель, будто собранная из разных эпох, фарфоровые чашки с цветочками за стеклом, фотографии в рамках, маленькие сувениры, книги разной степени потрепанности. За ширмой — небольшая кухня с пузатым холодильником, микроволновкой и электрическим чайником. Две кровати у разных стен — над одной висел атлас звездного неба, над другой — прошлогодний календарь со сделанными от руки пометками. Кровать под звездным небом была заправлена впопыхах, кое-как, вторая — с демонстративной аккуратностью, будто на показ. Правда, в глаза всё равно бросались застиранные пятна на покрывале, мелкие дырки от сигаретного пепла.

За время своей службы Смирнов бывал в этой квартире достаточно часто, и потому был невольным свидетелем ее медленного увядания. Особенно в последние годы, после

смерти Натальи.

Он перевел взгляд на Тимофея. Молодой худощавый парень с русыми волосами сидел по другую сторону стола, уставившись в полупустую чашку с остывшим чаем. Было в нем что-то от матери, но больше всего он походил на своего деда, заслуженного работника Октябрьской железной дороги - такой же молчаливый, спокойный и вдумчивый.

Был — до недавних событий. Остался ли? Такие события кого хочешь сломают.

- Смотрю — прибрался, - в тишине слова прозвучали неожиданно громко, с неприятным эхом.

Тимофей поднял лицо, словно очнулся ото сна, коротко кивнул.

- Ты спрашивал по поводу похорон, кому сколько должен... Так вот, не переживай, мы всё взяли на себя, - продолжил Смирнов.

Пожевал губы, размышляя как избежать неловкости, спросил с неподдельным участием:

- Ты вообще как?

- Все хорошо, дядя Леша, - парень посмотрел на мужчину голубыми глазами. — Спасибо за помощь.

- Не за что. Обращайся в любое время... Ну, ты знаешь.

- Знаю. Спасибо.

- Ты как дальше-то? У тебя, вроде, тетка в Ярославле.

- Да какой Ярославль, дядя Леша? - Тимофей улыбнулся. — Как же я уеду?

- Ах, ну да! — Смирнов сконфуженно хлопнул себя по лбу. — Совсем заработался, извини!

- Да ничего страшного.

Тимофей сделал глоток чая, заметил, что тот уже холодный, поднялся, желая поставить чашку в раковину.

Мужчина прочистил горло, перешел к делу:

— Слушай, Тим, я тут должен у тебя спросить... Для бумажек этих, сам понимаешь.

Он постучал пальцами по папке.

- Или потом зайти?

- Я в порядке, дядя Леша, - откликнулся парень. — Конечно, спрашивайте.

- Ага, - Смирнов достал желтый лист с помятыми краями и простенькую ручку в пластмассовом корпусе. — Так... Ну, ты парень взрослый, поэтому не буду ходить вокруг да около. Что именно произошло с отцом?

Тимофей вернулся к столу, сел, сложив руки перед собой. Посмотрел в окно, за которым шумела и гремела железная дорога. Сказал:

- Он остановил Ходока и сошел с платформы. Потом его принесли обратно.

- Кто принес?

- Обходчики.

Мужчина сделал заметку, продолжил:

- Долго отца не было?

- Минут двадцать, - Тимофей безразлично пожал плеча-

ми. — Может, полчаса.

- Ага, - Смирнов задумчиво потер лоб, бросил взгляд на парня. — Тим, скажи... Как думаешь, зачем он так поступил?

Повисла пауза, стало слышно, как у кого-то за стеной работает телевизор.

- Отец давно об этом говорил, - устало ответил Тимофей. — После того, как мамы не стало... Его словно самого не стало. Ел, работал, спал. Пил. В последнее время Ходока я водил, он не мог. Говорил, что ненавидит Дорогу. Говорил, что она всему виной... Да вы сами знаете, дядя Леша, вы же его видели.

Парень перевел взгляд на Смирнова. Мужчина взгляд выдержал, кивнул.

- Да, видел, - ответил участливо. — Мы много разговаривали, как друзья. Сергей... твой отец действительно переживал не лучшие времена. Но он никогда не говорил о том, чтобы... Наоборот, обещал взять себя в руки. Тебя хвалил. Я, если честно, может где и упустил, но у него и раньше бывали срывы, помнишь? И ничего, приходил в себя. Кремень, а не мужик! Но почему именно в этот раз? Что произошло?

Тимофей вздохнул, ответил нехотя:

- Он сказал, что мать видел.

- Наталью? Где?

- На Дороге. Я не видел.

- Что потом?

- Потом мы поругались. Он вдруг злой стал, начал говорить всякое... Сказал, что я медленно учусь, что Ходок меня не слушается. Сказал, что я его этим держу, а ему уже тошно. Я ответил, что никого не держу, и что вообще не хочу, как он, всю жизнь положить на эту проклятую Дорогу. Он сказал, что тоже не хотел... Остановил Ходока и вышел.

Смирнов внимательно слушал, наблюдая за реакцией парня. Тимофей выглядел угрюмым, но прекрасно держал себя в руках.

Ну точно в деда пошел!

- Он у какой-то конкретной платформы остановился? — спросил мужчина.

Тимофей отрицательно покачал головой.

- У первой по пути. Но там что-то было. Я ведь за ним хотел выйти...

Смирнов вздрогнул.

- ... Но меня что-то не пустило. Будто, за рукав удержало. И почему-то вдруг мысль пришла, что так и надо. И как-то легко стало на душе, будто всё понарошку... А отец ушел. По ступеням спустился в траву, рукой махнул — и ушел. Я ждал. Боялся пошевелиться. Там птица пела какая-то, но я такой птицы не знаю. А потом его принесли. А потом... Вот.

Тимофей замолчал, сжав губы.

Смирнов встал, сходил к раковине и принес стакан воды. Поставил на стол, похлопал парня по плечу. Спросил:

- И Ходок тебя послушался?

Тимофей отпил воды, кивнул.

- И дорогу домой ты сразу нашел?

- Да. «Пятая» сразу за поворотом оказалась.

«Это хорошо», - подумал Смирнов, а вслух сказал:

- Еще раз — сожалею о случившемся. Никто не должен испытать такое... Держись, я с тобой!

- Спасибо, дядя Леша.

- Может, мне пока здесь пожить? — вдруг предложил Смирнов. — Моя на дачу махнула, дома никого, скучота. А так - всё веселее! Я знаешь какую шакшуку готовлю? Ты другой шакшуки больше есть не захочешь, обещаю!

Ему удалось разбавить атмосферу, Тимофей улыбнулся.

- Спасибо, дядя Леша! Но мне лучше пока одному.

- Уверен?

- Думаю, да. Не бойтесь, ничего я с собой не сделаю! Просто хочу мысли в порядок привести.

- Работать будешь? — аккуратно спросил Смирнов.

- Не знаю, - честно ответил парень. — Пока нет. Не хочу видеть ни Ходока, ни Дорогу.

- Конечно, отдохни, голову проветри! Я тебя навещать буду, не против? Да и так, звони в любое время, хоть ночью. Но шакшуку я тебе все же приготовлю! Приду — и приготовлю! Не отвертись!

Тимофей вновь улыбнулся, на сей раз улыбка вышла светлой, мальчишеской.

Они распрощались. Выходя из комнаты, Смирнов уже

раскладывал ситуацию по полочкам. Он точно знал, что скоро Тимофей сам позвонит ему.

Ходок не любил долго ждать.

2.

Тимофею снился сон, что он сбежал от пятой платформы. Он уехал на автобусе подальше от желтого стального существа с блеклыми глазами, подальше от ржавого хребта, тянущегося от горизонта в бесконечность. Уехал из города, скрылся в лесу, плакал от страха и стыда.

Конечно же, такого не могло случиться на самом деле. Его бы сняли с автобуса без чувств и доставили обратно — проверено и не раз. Как бы он не пытался, пешком ли, на велосипеде или на автомобиле, результат был одинаков — убегающая из-под ног реальность, тьма и пробуждении под пристальными взорами врачей или равнодушных попутчиков.

Пятая платформа не отпускала его. Пятая платформа, город — и желтое железное существо, оседлавшее ржавый хребет.

Тимофей проснулся и какое-то время лежал, уставившись в темный потолок, по которому гулял тусклый свет фонарей. Сквозь приоткрытое окно доносились звуки далекого вокзала — лязг сцепок, бессвязный говор диспетчера, резкий гудок поезда.

Тверь - распределительный узел железнодорожной цепи,

распределяющий живой ток по направляющим проводам. С одной стороны слепила сиянием Москва, с другой — гремел тяжелый Питер. И можно скользить по этим проводам, от северного моря до южных ночей, от чужой речи до чужих берегов! Радоваться движению, переменам, свободе!

Можно всем - но только не ему. Не его отцу, деду, прадеду и бог весть еще скольким родам в глубину лет. Потому что четыре платформы с блестящими рельсами, бегущими в разные стороны — не для них. Их точка схождения — пятая платформа. И Тихий Ходок, сам решающий куда ехать.

Тимофей сел, опустил ноги на пол. Взгляд сам собой упал на пустую кровать напротив.

Нет, на ней не появилось никаких фантомов, призрачных видений, наложенных воспоминаний. Кровать как была, так и осталась аккуратно заправленным голым пространством, новой холодной деталью в старой квартире.

В последнее время отец редко ночевал дома, практически всё время проводил в рюмочной. Напивался до беспамятства, потом шел на «пятую», кричал, выл в сторону уходящих в темноту путей. За ним приходил Тимофей, забирал домой. Потом они работали, зачастую молча, будто стыдясь друг друга. Вечером расходились. И всё по новой.

Дядя Леша считает, что отец сломался после смерти жены. Но Тимофей помнил другое — отец всегда был сломлен, только та трещина скрывалась глубоко, под одеждой, кожей и костями. Но она была там, ждала своего часа. Который, ко-

нечно же, пришел.

Отец боялся Дороги. Боялся и ненавидел Ходока. И этот страх в итоге, свел его в могилу. Если бы нем мать, он бы уже давно так поступил.

Тимофей встал, прошлепал босыми ногами по полу и подошел к приоткрытому окну. Налег животом на широкий подоконник и выглянул на улицу.

Снаружи тянуло спасительной ночной прохладой, пахло остывающим металлом и креозотом. С пятого этажа открывался вид на небольшую детскую площадку, дорогу и дребезжащий пешеходный мост, перекинутый через железнодорожные пути. Блестели огнями фонари, вдалеке проносились фары редких машин.

Тимофей посмотрел налево.

Одна из веток железной дороги изгибалась туда, за черную полосу забора, в густую тьму, которую была не в силах разогнать одинокая бледная лампа над полосатым шлагбаумом. Где-то там находились горб старого технического бокса и серые плиты короткой платформы с выцветшей жестяной «пятеркой» на указателе.

И пусть из окна не должно было быть видно, но Тимофей готов был поклясться, что заметил, как на короткий миг свет лампы отразился от двух стеклянных глаз, что смотрели на него в ответ.

- Я тебя не боюсь, - прошептал он.

Выпрямился и вернулся в постель.

Еще оставалась надежда на хороший сон.

* * *

Пятиэтажный «Париж» привычно гудел многоголосьем, шаркал по коридорам и хлопал дверьми многочисленных комнат. Тяжелый пар мешался с запахом горелого масла, оседал глянцевой мокротой на зеленых коммунальных стенах. В проплешинах осыпавшейся штукатурки проглядывал рябой кирпич бордового цвета.

Тимофей запер дверь на два оборота, кивнул соседу, курящему в прокопченную форточку в конце длинного коридора. По слишком вычурной для тривиального жилого дома чугунной лестнице с «шишечками» спустился на улицу, щурясь от яркого солнечного света.

Дворы Пролетарки - мрачный массив фабричных построек эпохи умирающей Империи, всегда казался Тимофею холодным и гнетущим, пусть и не лишенным определенной привлекательности. Красно-серая палитра равняла роддом и школу, жилые казармы и старые склады, а прямые и рубленые улицы вели от заплывшей кустарником Тьмаки к пахнущей дегтем и металлом железной дороге. Некогда — центр и смысл жизни целых поколений, ныне — обитаемый памятник, пребывающий в перманентном саморазрушении.

Здесь до сих пор у старой проходной можно было услышать звон потерявшегося в тумане трамвая, в старой шко-

ле по ночам слышен детский смех, а сквозь дыры в поросшем деревцами куполе астрономической башни ночами видны чужие звезды. Время от времени кто-нибудь пытался найти кирпич с золотыми клеймом Саввы Морозова, но Тимофей точно знал, что это всего-лишь миф.

Он свернул к Воскресенскому собору и пошагал вдоль высокой белой стены, слушая, как хрустит песок под кедами, как стрекочут в сухой траве кузнечики. Мимо прошуршала машина, солнечные блики запрыгали по стеклам и зеркалам. Совсем недалеко шумел проспект, но звуки казались приглушенными, словно тонули в горячем вязком воздухе.

Сегодня утром он впервые ощутил Зов, о котором так часто рассказывали отец и дед. Сосущее, навязчивое ощущение под ложечкой, будто что-то забыл, что-то не доделал. Наверное так, бросившие курить, ощущают внезапную потребность в сигарете.

В этот раз удалось легко отмахнуться, отвлечься. Но дальше будет сложнее. Каждый день будет всё больше и больше наполняться тревожностью, пока не перерастет в неутолимую жажду, в болезненную ломку, которой практически невозможно сопротивляться. Тимофей знал это наверняка — он видел всё своими глазами.

Но до недавнего времени не ощущал лично. Потому что раньше Ходок не разговаривал с ним.

А сегодня всё произошло, спутать невозможно. Это оказалось одновременно и страшно, и накатывала глупая радость

от того, что его признали, отметили. Ведь, если быть честным, желание быть настоящим машинистом преследовало Тимофея с самого детства. С того самого момента, как он впервые увидел отца, большого и сильного, управляющего настоящим стальным монстром, что урчал и ревел от удовольствия, и послушно следовал по стучащим рельсам, убегающим вперед насколько хватало взгляда.

И вот теперь желание исполнилось.

Только Тимофей не был уверен, что всё еще этого хочет.

Он не заметил, как вышел к заброшенному и разбитому центральному стадиону, как миновал похожий на гигантский трамплин «ледовый дворец». Прошагал по узкой тропинке и, спрятавшись в тених старого суворовского училища, оказался на Острове Памяти.

По левую руку, за часовней Михаила Тверского, блеснула Волга. Справа, за изгибом Тьмаки, упирались в безбрежная голубое небо лепестки стелы Обелиска Победы.

Тверь. С первого взгляда похожая на другие провинциальные города — прижавшаяся к рекам, вырастающая ввысь на окраинах, неуловимо напоминающая соседей, но пытающаяся показать собственное лицо. Ставшая частью общей истории, но окончательно запутавшаяся в собственной. Донашивающая за старшими, и постоянно страдающая от недостатка внимания.

Хороший, славный город.

Наивный, недолюбленный ребенок, не раз обманутый, но

всё еще живущий надеждами.

Впрочем, Тимофей знал и другую Тверь. Ту, с которой хотя бы раз сталкивались все местные, а также некоторые приезжие, оказавшиеся невольными свидетелями этих метаморфоз.

Здесь, от скрытых под тяжелыми фундаментами древних курганов до перекрашенных царских домов, от массивного ампира до готических башен — от восьмиугольного сердца до платформы номер «пять» - город расслаивался, преломлялся иными формами и пространствами, оживал странными созданиями и творениями. Такая Тверь не подчинялась законам одного мира, существовала сразу во множестве.

Не нужно обладать особыми способностями, чтобы увидеть, услышать и почувствовать это. Но Тимофей обладал — и видел, слышал и чувствовал чуть больше остальных.

Он перешел дорогу в небольшой сквер между мостами. С высоких барельефов на него взирали каменные звери, застывшие в разнообразных сценках. За ними, нависая с постамента, хмурился гранитный классик.

Сквер Крылова Тимофея любил. Очень камерный, расположенный почти в центре, но каким-то чудом хранимый от людских потоков.

Сюда его часто в детстве приводила мама. Здесь он всегда делал остановку во время прогулок.

Здесь было хорошее место.

В отличие от мрачного парка, расположенного дальше по

дороге. Там коленопреклоненный безликий памятник зиял дырой в черной груди, через которое можно было делать из обычных предметов злые. Там, между и кругами и линиями, обитало нечто такое, с чем лучше не встречаться по ночам.

Тимофей выбрал пустующую лавку в тени, опустился на теплые доски. Выудил «капельки» наушников, выбрал на телефоне музыкальное приложение.

Уже который день в голове роились самые разные мысли, хотелось их разогнать, как-то упорядочить. Музыка всегда ему в этом помогала, особенно, если подобрать нужную.

Ветер качнул алыми бутонами на газоне, и Тимофей невольно засмотрелся на плавное движение. В ушах заиграла мелодия, легкая и красивая — что-то из старых советских фильмов. Остальной мир сразу отступил, предоставив Тимофея самому себе.

Вкрадчивый, но сильный женский голос пел про манящую дорогу, и про путь, который, несмотря ни на что, нужно начинать. Песня очень перекликалась с тем состоянием, что терзало душу в последнее время.

Тимофей не мог назвать свою жизнь безоблачной, в ней бывало всякое. Но вот такой тотальной неопределенности он не испытывал никогда. Казалось, самое плохое случилось когда ушла мама. Это не произошло «вдруг», тому предшествовала длительная болезнь. Но он до сих пор помнил утро, когда проснулся и с болезненной ясностью осознал образовавшуюся пустоту в привычной вселенной. Он не пытался

как-то для оправдать этот факт, не выдумывал утешительных историй о загробной жизни, не утопал в жалости к себе. Мамы больше не было, и это произошло. Остались лишь память и долгая, тяжелая тоска.

Но жизнь продолжалась. Нужно было поддерживать отца, ухаживать за Ходокон, учиться в конце-концов. Со временем всё как-то выправилось, покатилося дальше.

И вот теперь — отец. Трагический, но, увы, предполагаемый итог. И Тимофей, как бы ни старался, ничего не смог с этим поделать. Невозможно спасти того, кто спастись не хочет.

На сей раз тоски не было, только глухое, отупляющее принятие. И если отец, словно мучительно больной, получил желаемое освобождение, то Тимофей вдруг остался предоставленный сам себе. И оказался к такому не готов.

Был ли виной заразный отцовский фатализм, или нежелание вылезать из собственной раковины, но после школы Тимофей так и не нашел себе занятия по душе. Никуда не поступил, зарабатывал мелкими подработками, даже в спортзале появлялся редко, утратив интерес к боксу. Время проводил либо помогая отцу на дороге, либо играя на стареньком компьютере, либо просто гуляя по городу. И как-то уже привык к такому ленивому существованию, смирился. Даже мечта занять когда-нибудь место машиниста потускнела, превратившись в забытую детскую фантазию.

А теперь он на распутии. И, вроде бы, его история пред-

определена — стать машинистом следом за отцом. Но только он не хотел быть просто следующим в очереди. Он хотел сделать собственный выбор!

Просто, как оказалось, он сам не знал, чего хотел.

- О, привет!

Чья-то фигура загородила солнце. Тимофей поднял глаза, вынул наушники.

- Привет, Марго.

Девушка смахнула с покрашенных глаз прядь длинных русых волос, поправила висящую на плече сумочку со стразами.

- Чего тут сидишь?

- Гуляю, - просто ответил Тимофей.

Настроение разговаривать не было.

- А я с подругой встречалась, - Маргарита кивнула в сторону центра. — Лизу помнишь? Как-то приходила ко мне на Новый год. Такая...

Девушка показала пышную шевелюру.

Тимофей неопределенно пожал плечами.

- Ну, она еще рассказывала, что в Москву перебирается. Потом Ярику глазки строила, - не сдавалась Марго. — Ай, да не важно. В общем, представляешь, она в турфирме работает. Говорит, вне сезона может с путевками помочь. Я сразу Тай забронировала, тыщу лет хочу туда попасть!

Тимофей из вежливости кивнул, стараясь не очень скрывать свое безразличие к рассказу.

Тут Марго вдруг замолчала, ее глаза расширились.

- Ой, Тим! — протянула она, закрыв рот длинными пальцами. — Я и забыла совсем! Прости-прости-прости!

Она присела рядом.

- Соболезную! Ты как?

- Нормально.

- Мне ребята, когда сказали, я не поверила... Ой, бедненький!

Она погладила Тимофея по плечу.

- Он там, на этой вашей дороге...? — девушка многозначительно подняла брови.

- Давай потом как-нибудь расскажу, - Тимофей отвел взгляд. — Не хочу сейчас об этом.

- Всё-всё, поняла, - девушка сделала жест, будто закрывает свои губы на замок. — Но ты если что надо — скажи!

Тимофей кивнул.

Они посидели какое-то время молча, и пауза неловко затягивалась.

- Тим, - первой не выдержала Марго. — Слушай, мы в субботу хотим посидеть с нашими. Приходи, а то давно уже не появлялся. Ребята спрашивают.

- Я постараюсь, - не стал отнекиваться Тимофей.

В принципе, он был не против немного развеяться. Но до субботы нужно было, как говорится, еще дожить.

- Ну тогда на связи, - Марго легко поднялась, взъерошила Тимофею волосы. — Не куксись! Всё будет хорошо! До

встречи!

- До встречи.

Тимофей проводил взглядом удаляющуюся фигуру, откинулся на спинку лавки.

Маргарита, его соседка по дому, всегда нравилась ему своей легкостью и отходчивостью. Она была олицетворением летнего настроения — мимолетная, несерьезная.

А может быть, в этом и ответ? Может, незачем противиться и упираться? Пустить всё по течению, а там будь что будет. В конце-концов, у него есть квартира, друзья, дядя Леша, который точно не даст пропасть.

Есть Ходок. И Дорога, пугающая, но необъяснимо притягательная.

Что ж, если других планов на жизнь больше не было, можно попробовать и это.

3.

На пятую платформу Тверского железнодорожного вокзала никто не попадал случайно. На нее не продавались билеты в кассах, и от самого вокзала она располагалась на достаточном удалении. Даже из окон пролетающих мимо поездов и электричек не всегда удавалось разглядеть неприметный полустанок, скрытый за разноцветными коробками грузовых вагонов.

Тимофей шёл сюда привычным маршрутом — из дома

через дорогу, потом вдоль бетонного забора до небольшого пропускного пункта с вечно дремлющим охранником. Сразу окунулся в густой и насыщенный воздух, полной грудью вдохнул букет из запахов раскаленного металла, мазута, горелой резины и каменной пыли. Махнул знакомым железнодорожникам, проводил взглядом проносящийся мимо «Сапсан» на Питер. По ушам ударил уносящийся рев воздушного гудка.

Тимофей с самого детства любил эту атмосферу. Здесь всё, от последнего костыля до гудящих над головой проводов, было настоящим, реальным, конкретным, всё подчинялось простым и понятным законам.

Всё — кроме пятой платформы.

К ней, вдоль старых, местами поржавевших рельсов, вела небольшая тропинка, на которой вряд ли разминулись двое. Щербатые ступени поднимались к неширокой бетонной платформе с покосившимся железным козырьком и цифрой «5» на белом указателе.

Ничего примечательного на первый взгляд. Таких миллионы по всей стране, обезличенных, казенных.

И — вместе с тем - сколько именно *таких* платформ не знал никто, даже коллеги дяди Леши. И было подозрение, что точное их количество подсчету не поддается.

Впрочем, возможно «пятерка» вообще была единственной в своем роде.

Как и Ходок.

Который уже стоял у края платформы.

Служебная автомотриса бледно-желтого цвета с расставленными по разные стороны кабинами и небольшой крытой смотровой платформой посередине. Порой Тимофею казалось, что в далеком детстве Ходок выглядел немного иначе, да и дед, бывало, в рассказах упоминал мотодрезину. Но на всех отцовских фотографиях, немногочисленных, не всегда качественных, виднелась именно эта машина.

Из кабины вышел невысокий седой мужичок в засаленной робе механика. Он мял в руках носовой платок и выглядел отстраненным.

- Привет, дядя Коля! — поприветствовал его Тимофей.

Мужичок встрепенулся, сфокусировал взгляд на парне. Оглянувшись на автомотрису, словно только сейчас осознал где находится, сделал пару неуверенных шагов по платформе.

- Привет, Тимоха, - отозвался он хрипло. — А я, значит, зверя вашего выгнал...

В словах механика прозвучала легкая вопросительная интонация. Он вытер платком мокрый затылок, пожаловался, понизив голос:

- Не люблю когда он так делает. Старый я уже, потом вспомнить не могу чем занимался...

Он покосился на Ходока, словно опасаясь, что тот будет недоволен услышанным. Повернулся к Тимофею:

- Ладно, надо так надо... Зайди потом в депо, мы там тебе кое чего собрали с мужиками. Батьку твоего помянули, хо-

роший был человек.

- Спасибо, дядя Коля.

- Так это... Получается, ты что ли теперь будешь? - механик кивнул в сторону автомотрисы.

- Пока не решил.

- Как это «не решил»? - нахмурился мужчина. - А кто еще? Других-то нет.

Он указал на Ходока.

- Оно ж чужака не примет, сам знаешь!

- Не примет — будет в депо пылиться, - возразил Тимофей, которому вдруг захотелось поспорить. - А я не обязан!

Дядя Коля, простодушный и добрый, вдруг ухватил его за руку своими стальными пальцами, легко дернул. Проговорил сквозь зубы, угрожающе поблескивая глазами из-под кустистых бровей:

- Ты это брось, слышишь? Ты не дури! Надо работать — значить надо! И безо всякого!

Тимофей осторожно высвободил руку, на коже остались серые полосы от грязных пальцев механика.

- Оно же у нас, дурак ты малолетний, как связь времен! - не стихал дядя Коля. - Как традиция! Как Кремль в Москве! Вокруг него поколения жили, делали что положено! Оно же без дороги всех тут изведет!

Он вытер рот тыльной стороной ладони, продолжил чуть успокоившись.

- А пути кто проверять будет? У нас в этом направлении

только вы и остались. Или чего, бригадам по твоей милости на своих двоих по шпалам шагать?

- Дядя Коля, - сказал Тимофей мягко. - Да я ж не потому не хочу, что вот... не хочу. А потому что за меня всё решено, и не мной. Почему именно моя семья? Как мы попали в это ярмо? Меня кто спрашивал, надо оно мне? Я дорогу люблю, и железку эту, но вот обидно просто. Маргаритка вон, в Тай собирается, кто-то на Урал, да хотя бы просто на море! А я, значит, по чьей-то воле вынужден всё время тут торчать! Всю жизнь!

Последние слова он не сдержал, они вырвались обличенные в обиду, в протест!

Дядя Коля вздохнул, вновь утерся платком.

- Да чего там тот Тай, - пробурчал он. - Хренотень с ма- каками... Тимоха, послушай, пожалуйста. Я еще деда твоего застал, пусть и самую малость. Крепкий был мужик, старой закалки. Так он на подобные вопросы всегда отвечал: «Дорога всё даст, дорога лучше знает». И, видать, давала, раз до самого конца работал. А батька твой, наверное, этой гармонии не обрел. Или хотел чего другого, уж не знаю. Только вот я одно уяснил — неспроста эта линия у нас тут. И платформа эта, и Ходок. Видимо, план какой-то есть высший, какая-то цель. И, видать, на роду вам написано план этот в жизнь воплотить. Большая ответственность, Тимоха. Мир держится на таких, у которых великая цель есть.

Тимофей посмотрел на желтый бок автомотрисы, на ухо-

дящие вдаль рельсы. Проговорило задумчиво:

- Да какая тут великая цель, по рельсам гонять?

- А вот такая, - с железной уверенностью ответил механик.

— А иначе, зачем оно всё?

Посчитав, что до конца донес свою мысль, дядя Коля посмотрел на часы, воскликнул:

- Ох ты, уже половина! Так, я пошел, но ты мне прежде отчет отдай. Вы же объезд путей делали? А то Палыч всю плешь проест.

Тимофея каждый раз веселил этот момент. Те места, куда забирался Ходок, вряд ли относились к ведомству Тверского филиала Октябрьской железной дороги. Но Контора каждый раз запрашивала отчеты. И, что самое забавное, они всегда находились.

Правда, в это раз ему было не смешно — последняя поездка забрала отца.

- Я посмотрю, - глухо ответил он. — Но вряд ли что-то есть.

- Посмотри — да я пойду уже! - дядя Коля нетерпеливо махнул рукой.

Ходок встретил Тимофея тихой прохладой кабины, золотистыми лучами, падающими на приборную панель, пожелтевшими вырезками из старых журналов. Потертое кресло с жесткими подлокотниками, небольшой шкафчик с помятой дверцей, откидной стул у стены — здесь всё было знакомо, привычно, неизменно. Тимофей знал каждый уголок, каж-

дый скол, на звук определял какой замок открылся, какой тумблер включен. Говоря без прикрас, ему здесь было уютно и спокойно, почти как дома.

Правда, порой, в самые темные часы, казалось, что он находится в утробе древнего зверя, ползущего сквозь мрачные земли. И этот зверь сам решал, вернешься ли ты, будешь ли сожран или исторгнут в полный тень и ужаса мир.

Тимофей протянул руку и открыл узкую дверцу под панелью. Свет упал на стопку листов с замятыми уголками, на общую тетрадь, в которой отец вел что-то вроде дневника наблюдений.

Отчет Тимофей заметил сразу — серый казенный бланк с символикой «РЖД». Вытащил. Нахмурился, заметив знакомый размашистый почерк поверх напечатанных линий.

Его почерк.

Дата, наименование маршрута «Тверь, «пятая» - 60й километр Красная Горка», информация о состоянии полотна, о замеченных деформациях и просадках, о поваленных деревьях, мешающих движению подвижного состава. В конце: «В виду технической неисправности произведена замена комплектующих на месте». И подпись с характерной закорючкой вверху.

Никакого железнодорожного маршрута «Тверь — Красная Горка» на самом деле не существовало — по крайней мере, в этом мире. И Тимофей никогда не писал этого отчета. Но всё это было частью давно сложившейся системы, и

никто давно уже не задавал вопросов. Дорога, как отчеты, платформа и Ходок, просто существовали. Остальное принималось по умолчанию.

Тимофей стоял и смотрел на собственный почерк, пытаюсь разглядеть обман, подделку — но не находил изъянов. Вытащил из шкафчика тетрадь. Раскрыл и невольно охнул, вскидывая брови.

Тетрадь, от первой до последней записи, теперь была заполнена его рукой. И даты начинались с момента, как отец впервые привел его к Ходоку.

Тимофей ощутил пристальный взгляд в затылок, и от этого холодного внимания у него побежали мурашки по спине. Он медленно скосил глаза, пытаясь заметить отражение в стекле, медленно повернул голову, закрывая тетрадь.

Кроме него в кабине больше никого не было. Но Тимофей знал кто именно за ним наблюдает.

- Ты за меня все решил? — сказал он в воздух, потрясая зажатой в кулаке тетрадью. — Думаешь, вот так всё просто? Ну, давай посмотрим кто кого.

Он хлопнул дверцей шкафчика и стремительно вышел на освещенную солнцем платформу.

- Вот, - сунул механику отчет. — Это всё?

Дядя Коля с прищуром посмотрел на него, ответил:

- Всё. А ты чего такой?

- Такой, - процедил Тимофей. — Всё, пойду я. Дела у меня.

- А нахрена ж я эту зверюгу выгонял? — всплеснул руками механик.

- А у него и спроси, - указал пальцем себе через плечо Тимофей.

- Здравствуй, - раздался несмелый женский голос. — Простите, вы — машинист?

Мужчины оглянулись.

На платформе стояла невысокая темноволосая девушка в простеньких джинсах, футболке и с рюкзаком на плече. Она сжимала в руке смятый листок с мелкими записями. Повторила вопрос, обращаясь к механику:

- Вы — машинист?

Дядя Коля указал на Тимофея и молча пошел проч. Девушка повернулась к парню. Выпалила, не сдерживая радости:

- Здравствуйте! Ох, как я рада, что нашла вас! Мне сказали, что вы можете мне помочь!

Полезла в задний карман своих джинс, но Тимофей жестом остановил ее:

- Я сейчас никуда не поеду.

Девушка часто закивала, торопливо переспросила:

- Да, хорошо, хорошо. А когда можно будет? Я подожду!

Тимофей тяжело вздохнул. Бросив злой взгляд в сторону безучастно дремлющей автомотрисы.

Эта проклятая машина всегда знала всё наперед. И было правило, которое отец часто твердил: «Машинисту нель-

зя отказывать пассажирам». Отказывать мог только Ходок. Иначе случилось что-то плохое. Неважно с кем, неважно где — но обязательно случилось. И этот груз машинист принимал на себя до конца дней.

Но это было именно то, против чего протестовало все внутри Тимофея! Он отказывался быть марионеткой в непонятной игре! Еще утром он думал, что, наверное, попробует, согласится, но теперь, после фокусов с отчетом, с тетрадью, с этой девушкой...

- Я не смогу вас отвезти, - Тимофею было неприятно говорить это, но он решил идти до конца. — Ни сегодня, ни потом.

Лицо девушки побледнело, нижняя губа жалобно поджалась.

- Как? — выдохнула она еле слышно, в ее голосе слышалось эхо подступающих слез. — Но почему?

Тимофей проклял себя, Ходока и всю эту ситуацию. Сказал твердо, но негромко, чтобы окончательно не испугать незнакомку:

- У меня есть свои причины. Поверьте, это никак с вами не связано. Просто так вышло, что именно вы оказались здесь.

- Но я так долго ехала сюда, - слова Тимофея не успокоили девушку, она, как утопающий, пыталась нащупать последнюю соломинку. — Я из Кирова добиралась... Постойте, давайте я заплачу! У меня немного есть, я всё отдам...

Она была на грани и еле сдерживала себя, это было вид-

но. Она то полезла в свой маленький розовый кошелечек, то нырнула рукой в рюкзак. Выругалась, шмыгнула нос. Ее глаза предательски заблестели.

Тимофею было больно смотреть на эти метания, и следующие слова дались ему очень тяжело:

- Я не смогу помочь. Простите.

- Прошу вас! Умоляю!

- Прощайте.

Он сжал зубы и пошел в сторону выхода, борясь с желанием обернуться. Ожидал, что его попытаются догнать, остановить, задержать.

За спиной что-то с глухим шлепком упало, зашелестела одежда.

Тимофей все же не сдержался, бросил взгляд через плечо.

Девушка сидела на платформе пожав ноги под себя и закрыв лицо руками. Перед ней валялся раскрытый рюкзак, по сером бетону рассыпались маленькие разноцветные фотографии.

4.

Тимофей проснулся от внутреннего толчка, тщетно цепляясь за исчезающий сон. Неразборчиво бормотал забытый телевизор, цветные блики освещали комнату. Через открытое окно тянуло ночной прохладой, приятной и желанной.

После ухода из депо Тимофей провел остаток дня в ка-

ких-то пустых делах, желая заглушить совесть и собственные мысли.

Он сегодня поступил нехорошо, неправильно. Слишком импульсивно, что ему несвойственно. И, странное дело, он уверен, что никому ничего не должен, уверен, что никто не может за него решать. Но отчего так стыдно перед этой незнакомкой? Она просто подвернулась под горячую руку, такое бывает.

Но внутри все равно ныло и терзало. Да, он не ждал милости и понимания от странных, пугающих сил, что без спроса вторглись в его жизнь. Однако, сам мог оказать милость другому человеку, проявить понимание. Просто объяснить, поговорить. Может, действительно, выполнить просьбу, раз уж так сложилось? А вместо этого просто послал девушку куда подальше.

Чем тогда он лучше Ходока?

Тимофей встал, прошлепал к холодильнику, вытащил запотевшую бутылку минералки. Припал, делая долгие, жадные глотки. Вытер губы и убрал воду обратно.

Что сделано, то сделано. Не искать же теперь девушку по всему городу. Да и не местная она... Откуда именно приехала? Нет, не вспомнить.

Выключив телевизор, подошел к окну. Облокотившись на локти, выглянул наружу.

Знакомая картина, непривычная тишина. По ту сторону железной дороги темнели покатые крыши спящего частного

го сектора, одинокая машина скрылась за густыми кустами. Высокое серое небо уходило в черноту, и казалось, что кто-то огромный нависал над городом.

Тимофей повернул голову в сторону пятой платформы, но ничего не увидел кроме одинокой тусклой лампы над проходной.

Вдруг зажегся еще один огонек, ближе. В неярком свете включенного экрана телефона появился женский профиль.

Та самая девушка! Она всё время сидела здесь, на скамейке у дороги!

Тимофей вытянуло шею, сиюсь рассмотреть не ошибся ли.

Девушка выключила экран, свет погас, погрузив ее в темноту.

Или ошибся?

Какое-то движение привлекло его внимание. Какая-то тень, что чернее других теней. Не то человек, не то уродливая пародия на человека, перетекающая с места на место незаметным для глаза образом. Будто хищная амеба, распластавшаяся на плоскости пространства, всё ближе и ближе приближаясь к огоньку над проходной.

К скамье, на которой сидела девушка.

Тимофей не знал, что это за существо, но несколько раз видел подобных в ночных подворотнях и на темных аллеях. И каждый раз та встреча не сулила ничего хорошего.

Он почти впрыгнул в джинсы, накинуд рубаху, схватил

старый отцовский фонарь и выбежал из квартиры. Пронесся по длинному общему коридору, дробно простучал пятками по чугунной лестнице, слетая вниз. С шумом распахнул дверь подъезда. Включил фонарик и побежал вдоль дороги.

Девушка дремала прямо на скамье, укрывшись легкой ветровкой и положив голову на рюкзак. Она испуганно вскрикнула, когда Тимофей подбежал к ней и принялся светить по сторонам.

- Не бойся, это я! - успокоил он девушку, добавил. - Машинист.

- Машинист? - не понимая о чем идет речь переспросила она.

- Мы виделись сегодня на платформе!

Чертова тень куда-то запропастилась, но Тимофей чувствовал, что она рядом.

Девушка, наконец, пришла в себя, села прямо, подтягивая к себе рюкзак. В ее руке блеснул газовый баллончик.

- Я отвезу тебя куда нужно! — торопливо заверил Тимофей. — Только завтра. Тебе сейчас есть куда пойти?

Вопрос прозвучал глупо, учитывая сложившуюся ситуацию.

- Нет, - лицо девушки в свете фонаря казалось бледным и напуганным. — Некуда.

За ее спиной зашуршали кусты, будто кто-то провел рукой по веткам.

- Пойдем! — твердо сказал Тимофей, протягивая ей руку.

— Не бойся, не обижу. Здесь нельзя оставаться.

Было видно, что девушка колеблется. Тимофей не был уверен, что сможет защитить ее.

Тогда он взял ее за плечи, посмотрел в глаза. Сказал громко и раздельно:

- Если ты останешься, то завтра не наступит. И никто никуда не поедет.

Что-то в глазах девушки надломилось, будто треснул тонкий лед. Она коротко кивнула, решительно поднялась, подхватывая вещи.

Завизжала, отпрыгивая от лавки.

Там, прямо за кустами, стояла высокая скособоченная фигура, сотканная из темноты. И, казалось, что внутрь нее можно провалиться, что внутри — бездна.

- Бежим! — Тимофей схватил девушку за руку и потащил за собой в сторону дома.

Перевести дух они смогли только между третьим и четвертым этажами, куда залетели не чувствуя ног. Здесь Тимофей наконец отпустил незнакомку, перегнувшись через перила, посмотрел вниз.

Обычно эти существа не забирались в дома, но вдруг!

- Ульяна, - вдруг представилась девушка.

Тимофей повернулся к ней, встретился с осторожной, но искренней улыбкой.

- Тимофей.

- Ты — правда машинист?

- Вроде как, - прозвучало с сарказмом.

- Это... правда? Ну, то, что говорят?

- Ульяна, давай завтра всё расскажу, - Тимофей потер лоб.

— Почти три часа ночи. Нужно выспаться.

Девушка явно хотела засыпать его вопросами, но сдержалась, лишь кивнула, виновато улыбаясь.

- Вот и отлично, - Тимофей улыбнулся в ответ. — Идём, покажу где можно умыться.

Он застилал отцовскую кровать свежим бельем, когда за спиной скрипнула дверь ванной.

Ульяна стояла в одной длинной футболке, на которую с волос капала вода, ее длинные голые ноги утопали в огромных гостевых тапочках. Девушка выглядела смущенной и напряженной одновременно.

Тимофей торопливо отвернулся, отходя к своей кровати. Спросил деревянным голосом:

- Всё нормально?

- Да, - Ульяна нервно рассмеялась. - Никогда не мылась в таком тесном душе.

- Это старое здание еще с царских времен, - пояснил Тимофей. - Здесь рабочие мануфактуры с семьями жили. Там, по коридору, общий душ и туалет, некоторые до сих пор пользуются. А кто-то, как мы, в квартиру провели...

- Я не стану с тобой спать, - вдруг выпалила Ульяна заготовленную фразу.

Тимофей подавился фразой, с удивлением повернулся к

девушке.

- Что? Ты о чем?

- У меня есть муж, - она моргнула, словно сама себе одернула. - Я к нему еду.

- Да я и не думал, - Тимофей понял, что краснеет. - Вот кровать, ложись. Я — вон там, напротив.

Он посмотрел на светящееся небо за окном.

- Я будильник на десять поставлю, - сказал он, отходя на свою сторону комнаты. - Спокойного... утра.

Выключил торшер, не сразу попав дрожащими пальцами по кнопке. Торопливо скинул джинсы, рубашку и забрался под одеяло, отвернувшись к стенке.

Ульяна секунду постояла, словно удостоверяюсь в безопасности, потом прошла к своей кровати. Скрипнул старенький матрас.

- Спасибо, - донеслось с ее стороны.

- Пожалуйста, - хрипло ответил Тимофей. - Всё, спим.

- Спим.

В наступившей тишине было слышно, как устраивается Ульяна, как где-то далеко пролаяла собака, как хлопнула дверь машины. Немного поворочавшись, отгоняя от себя навязчивые и сомнительные мысли, Тимофей уснул.

* * *

- Первым делом, нужно понимать, что не я решаю поедем

мы или нет, - Тимофей положил руку на поручень Ходока.
- Это решает машина, и ее решение однократное и окончательное.

Девушка, будто настороженный зверек, переводила взгляд больших глаз с него на автототрису.

- Про оплату тоже знаешь? - уточнил Тимофей.

Ульяна кивнула, спросила:

- Скажи, как так — машина может не поехать? Ведь ты ей управляешь?

Тимофей усмехнулся:

- Управляю. Но есть нюанс.

- Какой?

- В теории, по этим рельсам я могу тебя довезти хоть до Питера. Тебе надо в Питер?

Ульяна замотала головой.

- А чтобы доехать куда тебе надо, - Тимофей сделал ударение на слове «тебе». - Нужно, чтобы туда поехал Ходок. Так понятнее?

- Ну, наверное, понятнее... А почему Ходок?

- Не знаю. Имя такое - Тихий Ходок. Всегда так называли. Наверное, потому что ход тихий... Честно - не задавался вопросом.

- Понятно.

Судя по всему, Ульяну мучили сомнения — как и любого другого здравомыслящего человека на ее месте. Впрочем, ее просьба тоже выходила за рамки разумного, поэтому

единственным верным решением здесь было либо отказаться от всего сразу, либо безоговорочно принять установленные правила.

Тем более, что некоторые из них могли спасти ей жизнь.

Тимофей и сам нервничал. По отдельности он знал все необходимые действия, знал что говорить — выучил, помогая отцу. Но сейчас он был сам по себе, и очень боялся сделать что-то не так, что-то забыть. Поэтому старался максимально близко следовать ходу ритуала.

- Хорошо, - Тимофей вытер вспотевшие ладони о штанины комбинезона. - Прежде, чем продолжать, давай сначала попробуем заплатить.

Он, совсем как отец, поднялся на смотровую платформу автомотрисы и прислонился плечом к ее железному боку. Спросил, глядя на девушку сверху вниз:

- Что ты хочешь отдать?

Ульяна на миг задумалась, ответила:

- Я хорошо готовлю. Еще вот специально научилась на гитаре играть...

- Ты сама скажи, что именно отдаешь, - подсказал Тимофей. - Ходок сам оценит.

Девушка нахмурилась, исподлобья посмотрела на автомотрису. Спросила тихо, будто их подслушивали:

- А как ты это поймешь?

- Я пойму, - улыбнулся Тимофей. - Я — машинист.

Но это объяснение не успокоило девушку.

- А если я ошибусь? Если назову что-то неважное для этой... Мне очень надо поехать! Мне очень надо увидеть Кирилла!

Тимофей вздохнул, он не любил торг перед поездкой.

- Ульяна, - мягко сказал он. - Всё будет хорошо. Ходок отказывает не часто, и, в основном, тем, кому поездка, на самом деле, не нужна. Не спрашивай как он это понимает, я не знаю. Поэтому просто выдохни, и сделай что нужно. Можешь даже мне не говорить, просто кивни, как решишь.

- Я лучше скажу!

- Хорошо.

Наступила напряженная пауза. Ульяна задумчиво закусила губу, зажмурилась и наморщила лоб. Тимофей ждал, разглядывая ползущего по бетону жука.

Прежде, чем, девушка открыла глаза, он уже знал ответ. Тот пришел легкой дрожью вдоль позвоночника, мимолетным покалыванием в груди.

- Я решила! - выпалила Ульяна.

- Поднимайся, - Тимофей подавал ей руку.

Он не смог сдержать улыбку, видя радость и облегчение девушки.

- Как это работает? — спросила она, осматриваясь.

- Ты больше не сможешь делать то, что умела.

- Как? Вообще?

- Кто-то говорил, что можно научиться заново, - Тимофей открыл дверь кабины для пассажиров. — Но я точно не знаю.

- Странно всё это!

- И не говори... Так, теперь послушай меня внимательно, - Тимофей сделался серьезным. — На Дороге есть свои правила. Их много, но запомни основные — сходить с автомотрисы можно только на своей платформе, больше нигде. Что бы ты ни увидела, не услышала, пусть даже очень пугающее — держи себя в руках, ты под защитой Ходока. Если будут вопросы — спрашивай, но скажу сразу — я не знаю сколько времени займет поездка, не знаю получишь ли ты желаемое, и не делаю остановок по требованию.

Девушка слушала внимательно, это Тимофею понравилось.

- И главное, - он поднял палец. — Если хочешь, чтобы всё прошло хорошо - слушай меня, делай, что я говорю. Это понятно?

Ульяна кивнула.

- Вопросы есть?

- Много, - честно призналась девушка. — Но пока просто спрошу — мне обязательно сидеть вон там...

Она показала на потертые лавки с потрескавшимися рожками подушками из козла, расположенные вдоль стенок пассажирской кабины.

- ... Или могу стоять здесь, на улице?

- Как тебе захочется. Единственное, в мою кабину без особенной нужды не заходи. Если что, я лучше сам выйду. Это всё?

- Пока да, - заговорщически улыбнулась Ульяна. — Возможно?

Она показала на мобильный телефон.

- Снимать? — догадался Тимофей. — Попробуй, у некоторых что-то получается. А так, связь там не работает.

- Ну и ладно, - девушка убрала телефон. — Поехали?

Оставив девушку устраиваться на скамье, Тимофей вернулся в кабину машиниста и остановился перед креслом. Прислушался к работе двигателя, окинул взглядом приборы.

- Это ничего не значит, слышишь? - произнес он вполголоса. - Я делаю это не для тебя, а для нее. Так что, давай каждый сделает свою работу, и разойдемся по-хорошему, ладно?

Ходок ожидаемо ничего не ответил. Тимофей кивнул, словно удостоверяя заключенное соглашение, решительно сел в кресло и положил руку на пульт управления.

Автомотриса, издав короткий предупреждающий сигнал, плавно покатила вперед, оставляя позади платформу, шлаббаум и депо. Покачиваясь, прошелестела мимо дома Тимофея. Мимо старых вагонов, навечно застывших на запасных путях, мимо разрисованных заборов, мимо насыпей и переездов — мимо прочей привокзальной суеты, вперед - через лесопосадки к промышленной зоне и окраинам. По сторонам замелькали столбы, запрыгала лента ограждения. Редкие рощицы из берез, осин и сосен сменились единым темно-зеленым массивом, тянувшимся, казалось, вдоль всех железных дорог страны.

Тимофей не соврал Ульяне — по этой ветке действительно можно было доехать до Торжка, Выборга, Великого Новгорода, Питера или Мурманска.

Только не на Ходоке.

Обычно пассажиры не сразу замечали перемены, но Тимофей всегда четко видел превращение обычной дороги в Дорогу. Что-то неуловимо менялось в звуке работы механизмов, в ландшафте, в самом воздухе. Вот и сейчас, свет за окном начал мерцать, словно они проезжали под решетчатыми конструкциями невидимого моста, а по телу пробежала мелкая дрожь. Автомотриса пошла плотнее, словно вжалась в скользящие под ней рельсы, хищно всматриваясь вперед.

По этой Дороге ни до Торжка, ни до Мурманска уже не добраться. Никто не знал где она заканчивалась, и заканчивалась ли вообще. Судя по рассказам деда и отца, даже самые дальние маршруты не давали ответов на эти вопросы. А тех, кто хотел во что бы то ни стало докопаться до истины, ожидал трагичный и, порой, пугающий финал.

Лес по левую сторону отступил, оголяя черное, будто покрытое пеплом поле с торчащими зонтиками высоких сухих растений. Прямо за полем кривым пунктиром тянулись обломки забора, из-за которого выглядывали старенькие двухэтажные домишки с покатыми крышами и темными пустыми окнами. Вдалеке виднелась полукруглая площадь, на которой, между обшарпанным домом культуры и кирпичным павильоном с вывеской «Продукты», застыл старый покосив-

шийся автобус. От площади, сквозь кусты сирени, вела дорожка — прямо на платформу. Покусанный ржавчиной указатель гласил «Мшаги».

А еще здесь были жители, стоящие тут и там без движения, будто декорации. Женщины в простой сельской одежде, мужчины в куртках и ватниках, дети с игрушками и в шортах. Все — спиной к железной дороге, и как бы не ехала автомотриса, лиц было не разглядеть.

Тимофей вздрогнул от стука в дверь. Обернувшись, увидел за стеклом испуганную Ульяну.

- Всё хорошо, - сказал он через плечо. - Сядь на место.
- Хорошо? - эхом, с недоверием, повторила девушка.
- Да, так и должно быть. Я предупреждал, - Тимофей повернулся к ней. - Пока ты внутри, тебе нечего не угрожает!

Это было не совсем правдой, но сейчас ей действительно ничего не угрожало.

Странный поселок остался позади, вновь потянулся лес, темный и гнилой. В наступившей тишине было слышно, как среди кривых, поросших мхом деревьев гуляет искаженное скрипучее эхо.

Так они ехали почти час, окруженные бесконечным, не меняющимся пейзажем. Мерное покачивание Ходока успокаивало, убаюкивало, и Тимофей чуть не задремал, как вдруг заметил впереди разъезд с одиноким старым семафором. Он скинул скорость, а потом и вовсе затормозил возле небольшого домика дорожного смотрителя.

Отсюда в разные стороны уходило две дороги. Левую перекрывал семафор, выставив поперек выцветшую пластину с надписью «СТОЙ!», правая ветка оставалась свободной.

- Мы приехали? - раздался голос Ульяны.

Девушка вышла на смотровую площадку и с любопытством смотрела вперед, опершись руками о поручни.

Вышел из кабины и Тимофей, вдыхая густой лесной воздух.

- Нет, не приехали, - покачал он головой. - Надо решить куда ехать дальше.

- Там закрыто, - девушка указала на семафор слева. - Значит, нам на право.

Тимофей усмехнулся.

Было бы всё так просто.

Правый путь ему не нравился.

Он повернулся к домику. Квадратная кирпичная сторожка с двумя окнами и дверью. На ребристой шиферной крыше — мелкие ветки и старый мох, возле крыльца — выдавшая виды лопата с потемневшей ручкой.

И чернота внутри дома. Не темнота, не сумрак, а густая чернота, словно сторожку до самой крыши залили мазутом. Только отчего-то Тимофею казалось, что субстанция эта — не материальна, а являет собой раскрытую дыру в бесконечное ничто.

Он вновь перевел взгляд на дороги. Внешне одинаковые - высокая, проросшая сквозь гравий и пыльные шпалы трава,

колючий бурьян по сторонам, серебристые рельсы, уходящие за поворот.

- Что скажешь? - пробормотал под нос Тимофей, обращаясь к Ходоку. - Куда ехать?

Автомотриса молчала, предоставляя выбор машинисту.

- А если мы не знаем куда ехать, то есть ли разница? - спросила Ульяна. - Мы ведь всё равно приедем куда нужно? Я ведь заплатила.

Тимофей покачал головой:

- Разницы, может, и нет, но только по одним дорогам ездить можно, а по другим — нет. Главное, не ошибиться.

- А как тут можно выбрать? - удивленно спросила девушка.

- В этом и вопрос.

Тимофей вернулся в кабину и встал за пульт. Побарабанил пальцами по рукояти перевода стрелок.

Действительно, как тут выбрать?

Правая дорога ему не нравилась. Без объяснений, без причин — просто не нравилась.

- Ладно, - выдохнул он, и послал Ходока налево.

Автомотриса покатила прямо на сигнал семафора. В последний момент крыло указателя упало вниз, пропуская машину. Мимо окна проплыла надпись «Путь открыт!».

Тимофей посчитал это хорошим знаком.

Лес закончился неожиданно, будто его обрезали ножом. Вынырнув из тени, Ходок оказался на просторе, залитый ма-

линовым закатным светом.

Ахнула Ульяна, довольно поднял брови Тимофей.

Дорога бежала вдоль песчаного берега океана, серебристого и спокойного. От горизонта, за который расплавленной каплей опускалось багровое солнце, стрелкой огромного компаса тянулась алая полоса, играя бликами на волнах. Ветер принес запах соли и водорослей, сквозь шум мотора проник шум прибоя.

- Это где у нас такое? - воскликнула Ульяна восхищенно.

- Не уверен, что это «у нас». Но красиво.

- Очень! А мы точно не может остановиться? - девушка хитро посмотрела на Тимофея. - Хотя бы ножки намочить!

- Увы, не можем. И проверять я не буду...

Он вдруг замолк на полуслове, увидев нечто в зеркале заднего вида.

Из леса на берег вытекал густой серый туман, вскидываясь вверх под дуновением ветра, но упорно следуя по рельсам. Казалось, что в его глубине двигалось что-то живое, свивающееся в тонкие многослойные кольца. Он походил на жирную пиявку, выползающую из бутылочного горлышка, и эта аналогия не нравилась Тимофею.

Тем более, он знал что это такое. И знал, как обманчива его медлительность.

Он увеличил скорость и Ходок начал набирать ход.

Дорога сделала поворот, уводя от океана. Промелькнули зеленые, будто изумрудные, скалы, и автомотриса нырнула

в туннель, отчего воздух резко ударил по ушам. Под аккомпанемент грохота стальных колес, многократно усиленного каменными сводами, Ходок понесся по черной трубе.

Тимофей готов был поклясться, что в отблесках фонарей видел большое лицо, смотрящее на них сквозь стену, будто человек на рыбку в аквариуме.

Впереди забрезжил свет, и они вылетели в рыжую пастораль осеннего леса. Капли легкого дождя зазмеились по стеклу, и Тимофей включил дворники, сбрасывая скорость.

И понял — здесь.

Платформа выглядела уютной — в дрожащих лужах плавали желтые и красные листья, около небольшого аккуратного навеса сгибались под тяжестью ягод кусты рябины. Дальше виднелось несколько ухоженных домиков и высокая деревянная арка с не читаемой надписью.

Ходок подкатился к платформе практически бесшумно, остановившись ровно по центру.

Ульяна уже стояла на смотровой площадке и с любопытством рассматривала новое место. Должно быть, поездка ей нравилась, и девушка ожидала новых впечатлений.

Тимофей отключил двигатель, вышел на улицу. Сказал:

- Это твоя станция.

Ульяна вздрогнула, спала с лица. Повернулась к Тимофею, спросила напряженно:

- Моя?

- Да.

Девушка вновь посмотрела на платформу, на домики. В ее глазах читались тревога и недоверие.

- Я всё по другому представляла... Что теперь?

- Теперь ты пойдешь дальше, а я останусь здесь и буду тебя ждать.

- Ждать? — отчего-то невесело усмехнулась девушка. — А если я не вернусь?

- Значит, придется уехать без тебя, - Тимофей постарался произнести это без угрозы, но Ульяна нахмурилась.

- И сколько у меня времени?

- Девять часов. Не спрашивай, не знаю почему так. Через девять часов ты почувствуешь, что пора возвращаться. Но если решишь остаться, я уеду один. И уже не смогу за тобой вернуться.

Девушка машинально бросила взгляд на свои маленькие наручные часы, спросила с сомнением:

- И ты все эти девять часов будешь сидеть здесь?

- Да. Мне нельзя сходить с платформы.

Ульяна кивнула. Прозрачные капли скатились с ее волос на лицо, но она будто не заметила их. Сделала несколько шагов к спуску, остановилась, спросила через плечо:

- А что... Там?

Тимофей виновато развел руками.

- Я не знаю. Это твоя остановка.

Когда девушка скрылась за кустами рябины, он полной грудью вдохнул сырой воздух и вернулся в кабину. Вытащил

из шкафчика старый механический таймер и несколько раз провернул ключ, слушая, как сжимается пружина. Поставил устройство на панель, слушая мерное тиканье.

Он до сих пор не мог привыкнуть к Дороге, не мог безусловно принять ее законы. Размышляя о природе столь загадочной структуры, строил теории, выдумывал версии. Беседовал с отцом, с дядей Лешей, с учеными, которых время от времени подвозил. Но понял одно — никто ничего толком не знает. Есть Дорога, ведущая одновременно во все направления, есть Ходок, способный находить платформы, есть пассажиры, которые всегда что-то ищут. Есть машинист, связывающий всё это воедино.

И есть таймер, отмеряющий за час девять отведенных пассажиру часов.

Достав из рюкзака термос, бутерброды и книгу в потрепанной обложке, Тимофей устроился в кресле. Потягивая сладкий чай, попытался погрузиться в историю странствующего рыцаря, но мыслями возвращался к Ульяне, к тому, что именно привело ее сюда. Она говорила про мужа — пропавшего или погибшего? В любом случае, причина поездки, видимо, трагичная. А значит, при возвращении нужно быть внимательным.

Ему вдруг стало жаль девушку. Она казалась хорошей, а неправильно, когда у хороших людей случается что-то плохое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.